

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

СОБЫТИЕ

В краевой столице состоялся двухдневный межрегиональный научно-практический семинар «Молодежное чтение в современной информационной среде». В роли организаторов этого действия выступили Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, департамент культуры Краснодарского края, Краснодарская краевая юно-

шеская библиотека имени И. Ф. Вараввы.

Значимость и актуальность проходившего мероприятия и его практическая ценность обусловлены важной задачей, которую сегодня призвано решать не только библиотечно-образовательное, но и все российское сообщество. Никем не отрицаемый возрастающий дефицит знаний и конструктивных идей в нашей стране (на фоне других существующих острых глобальных проблем) во многом обусловлен снижением интереса к чтению

у населения. Современная ситуация в этом отношении характеризуется как системный кризис читательской культуры, когда страна подошла к критическому пределу пренебрежения чтением. География представительства участников семинара широка: Москва, Санкт-Петербург, Республики Адыгея, Дагестан, Калмыкия, Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский край – всего более 150 специалистов в области молодежного чтения. Среди них писатели, журналисты, ученые, книгоиздатели, об-

щественные деятели. Тон семинару задал председатель Межправительственного совета и Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества Евгений Кузьмин.

В семинаре приняли участие члены Союза писателей России Светлана Макарова, Людмила Бирюк, Виктор Петров (главный редактор журнала «Дон») и Валерия Салтанова (г. Ростов-на-Дону), выступление которой мы публикуем.

ВАЛЕРИЯ САЛТАНОВА

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ РЕЧИ

Валерия Салтанова (г. Ростов-на-Дону) окончила Литературный институт имени Горького. Член Союза писателей России. Профессиональный музыкант и журналист. Автор пяти поэтических книг. Стихи включены в Антологию современной поэзии и прозы, изданную в Москве (2011).

Является автором музыки сборника донских песен и романсов на стихи Виктора Петрова «Одольная трава» (2012). Редактор газеты Ростовской области «Культура Дона» и зам. главного редактора Российского литературно-художественного журнала «Дон».

Что может быть драгоценнее, чем ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира...

Л. Н. Толстой

Всякого рода грубость тает, словно на огне, под влиянием ежедневного чтения хороших книг.

Виктор Мари Гюго

В последние 10–15 лет в нашей стране идет процесс агрессивного ниспровержения чтения с пьедестала социальных ценностей, уничтожения библиотек и хорошо отлаженной системы развития чтения – этого айсберга, надводная часть которого видна и ценима многими.

Чтение – российская традиция, составляющая ядро национальной культуры, мощный механизм поддержания и приумножения богатств родного языка, система формирования личности и развития социальной структуры общества, единственная технология, выработанная человечеством за всю его продолжительную историю для того, чтобы последовательно и гармонично выкристаллизовать сознание и совершенствовать духовный мир людей.

Сегодня 40% россиян не читают книг и почти 80% – не читают газет и журналов. Доля читающего населения России в возрасте до 30 лет за последние годы снизилась в половину. Серьезным поводом к размышлениям и действиям служат следующие показатели: если в развитых странах доля читающих составляет 52–56%, то в России, не так давно «самой читающей стране», – всего 23%.

Одновременно быстро растет число людей, читающих специальную и справочную литературу в профессиональных целях. Но функционально ориентированное чтение развивает лишь левое «информационное» полушарие.

(Продолжение на стр. 2)

ПАНОРАМА

В литературной жизни Кубани намечилось некоторое оживление. Залог тому – два события, которые произошли в самый канун майских праздников. В Краснодарском отделении Союза писателей России появилась секция писателей-фантастов, а при краевой юношеской библиотеке им. И. Ф. Вараввы открылся Клуб любителей фантастики и фэнтези (сокращенно – «Клюфф»).

По словам организатора клуба, журналиста и писателя Маргариты Епатко, идея родилась спонтанно, в ходе встречи в рамках «Недели юношеской книги». Идею поддержало руководство библиотеки и кубанские писатели. Мероприятия будут проходить каждый месяц. В планах – зарегистрировать клуб на краевом уровне, провести конкурс на лучший фантастический рассказ среди начинающих литераторов и по его итогам выпустить сборник.

На минувшей неделе в стенах библиотеки любители фантастики встречали местную знаменитость – автора 17 романов, публикующегося в крупнейших столичных изданиях Влада Выставного. Читателям он больше известен по книгам, описывающим постакалиптическое будущее.

– Думаю, что такие клубы возникают неслучайно и наблюдается это еще со времен СССР, – говорит Выставной. – Тяга читателя к фантастической литературе определяется самой ее сутью: фантастика – литература мечты, литература свободы. Молодые авторы неспроста тяготеют к этому жанру: мечтать для них естественно, как дышать. Они стремятся поразить читателя новыми идеями, поставить обществу новые цели. Не стоит забывать: многие достижения прогресса, которые нас окружают, были придуманы фантастами прошлых поколений.

В Краснодаре появился «Клюфф»

Открылся клуб любителей фантастики и фэнтези

Уверен, что у кубанских авторов есть все шансы добиться успеха на литературном поприще – спасибо некогда придуманному фантастами же Интернету. Путь к столичному издателю сейчас гораздо короче, чем еще несколько лет назад. Вопрос только в таланте и упорстве авторов (в которых я ничуть не сомневаюсь). Что же до перспектив фантастического жанра, факты говорят сами за себя: большая часть мировых (да и российских) бестселлеров на сегодняшний день – фантастика во всем многообразии ее поджанров, от «Гарри Потера» до «Сумерек». Но фантастика, прежде всего, – привлекательная для читателя художественная форма. И уже от наших кубанских авторов зависит, каким идейным, духовным содержанием будет она наполнена.

Надо сказать, после «фантастического бума» 60-х, связанного с успехами страны в покорении космоса, жанр переживал взлеты и падения. Многие помнят, что в перестроечные годы в Краснодаре успешно работал клуб любителей фантастики «Стажеры», где

проводили конкурсы и демонстрировали диковинные по тем временам зарубежные киноленты про киборгов и пришельцев.

Можно вспомнить самиздатовский журнал, фэнзин «Гая», где помимо фантастического «импорта» публиковались и местные авторы. В начале века в причерноморском поселке Новомихайловском дважды проходили фантастические семинары, был даже выпущен солидным тиражом сборник «Этюд о взрослом гравилете», в издательстве «Советская Кубань» вышло несколько сборников зарубежной фантастики, переведенной членами клуба.

Последняя попытка организовать что-либо подобное была предпринята ныне покойным писателем-фантастом Алексеем Передереевым 11 лет назад на базе Краснодарской краевой общественной организации «Молодые писатели Кубани», а год спустя под редакцией Андрея Попова вышло несколько номеров литературного журнала фантастики «Ракетный корабль ГАГАРИН». Кстати, в нем печатались Павел Тычинкин (ныне пресс-секретарь мэра Краснодара), Александр Матюхин (сейчас успешно издается в Москве) и Лев Рыжков, который после закрытия скандально известного «Московского корреспондента» сейчас трудится в ежемесячнике «Местное самоуправление Кубани».

В 2009 году Союзами писателей России, Москвы и Крыма учреждено общественное объединение – Совет по фантастической и приключенческой литературе, который возглавил писатель-фантаст Виталий Пищенко.

Одной из задач совета является организация профессиональной работы с молодыми авторами-фантастами и приключенцами.

По словам Светланы Макаровой, для любителей фантастики будет создана страница на сайте Союза писателей Кубани: «Интересно будет собрать максимум информации обо всех писателях, писавших и пишущих в фантастическом жанре (а также о российских и зарубежных фантастах, бывавших на Кубани) и провести изыскания о мифах и легендах, связанных так или иначе с Кубанью».

Кстати сказать, первая научно-фантастическая повесть кубанского автора Вячеслава Пальмана («Кратер Эршета») вышла в 1958. Другие, более поздние его работы, например, «Кольцо Сатаны», известны разве что библиоманам. В 1960 году, в журнале «Уральский следопыт» был опубликован рассказ Михаила Грешнова «Золотой лотос». (Так, в следующем году исполнится 55 лет с момента выхода первой фантастической повести на Кубани.)

Членов Союза писателей, пишущих или писавших фантастические произведения, можно по пальцам перечесть. Это Михаил Грешнов («Лицо фараона»), «Эхо», «О чем говорят тюльпаны»), Игорь Ясинский («Тугая петля»), «Синдром бешенства»).

В жанре научной фантастики писал Виктор Ротов, однако, насколько известно, эти работы (например, рассказ «Оранжевое пятно») не были опубликованы.

В постперестроечный период в Краснодаре выходили фантастические книги Александра Плонского («Плюс-минус бесконечность»), «Будни и мечты профессора Плотникова»), Игоря Исаева («Звездная цитадель»), Льва Рыжкова («Золотарь»).

ИВАН КАРАСЕВ

СОБЫТИЕ

ВАЛЕРИЯ САЛТАНОВА

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ РЕЧИ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Известно, что чтение «для души», чтение высокохудожественной литературы развивает правое «чувственное» полушарие головного мозга, отвечающее за творческое вдохновение, фантазии и аналоговое мышление.

Все это само по себе прискорбно и оптимизма не вселяет в нас – людей, посвятивших жизнь книге. С одной стороны – библиотекари, хранители книг, хранители огромного пласта культуры и информации. С другой – писатели, издатели, редакторы. То есть те, кто собственно и создает литературу и книгу.

Мне хочется поговорить о чтении в сегодняшнем нашем дне, основываясь на конкретных примерах.

Чтение – вещь многоуровневая. Собственно точно так же, как и сама литература. Если взять стихи, предположим, Ларисы Рубальской – это один уровень, а поэзия Марины Цветаевой или Юрия Кузнецова, или, предположим, раннего Пастернака и раннего Заболоцкого либо поздней Ахматовой – это уровень иной. Безусловно, от того, какие книги предпочитает человек, зависит и строй его мыслей, и умение эти мысли выражать. Но так называемая «облегченная» литература не всегда показатель дурного вкуса, просто зачастую многие произведения из числа этой самой «легкой» литературы нужно читать вовремя, в определенном возрасте. И подниматься по этим произведениям, как по ступенькам, к более сложной, более высокой литературе. Простая литература, куда можно включить и хорошую детскую книгу, готовит читателя к покорению более высоких вершин. Она является той базой, на которой будет строиться весь духовный мир взрослого человека. Многие романтические произведения того же Цвейга, Гюго, Грина нужно успеть впитать ранимой оголенной душой подростка – тогда показанные в них пылкие переживания, возвышенные чувства воспримутся именно так, как это и было задумано, и книги станут тем, для чего и предназначались – путеводителем в непознанный эмоциональный мир юного создания, переживающего первую любовь или даже, возможно, горечь безответного чувства.

Однако бывает, что человек застревает на литературе упрощенной, таким образом приостанавливается, замедляется и его способность воспринимать более сложные, более глубокие произведения. А бывает и наоборот – серьезное чтение приводит к раннему психологическому взрослению. Мы печатали в журнале «Дон» повесть совсем молодого еще человека, живущего под Ростовом в небольшом поселке с красивым названием «Рассвет». Юноша всегда жил насыщенной внутренней жизнью, много читал «взрослую», сложную литературу. Его настольными книгами являются произведения Германа Гессе, философские трактаты Василия Кандинского – русского художника-абстракциониста, писателя, философа. Эти книги повествуются таким сложнейшим языком, что не всякому взрослому по силам то умственное напряжение, та сложнейшая духовная работа, которую необходимо проделать для постижения написанного. Но наш герой не только читает произведения данных авторов, но и с легкостью цитирует их, а также пишет прозу, в которой его творческие и лексические поиски вышли далеко за рамки возможностей среднего двадцатилетнего человека.

Вот пример его прозы: «...*Старика звали Б. Ему часто снился один и тот же сон. Сон, в котором он лежит на кровати, не в силах двинуться. Сон, в котором очередное защемление двенадцатого и тринадцатого позвонков окончательно убивает его спинной мозг. Испуганный, он выныривал из сна, в холодном поту подсказывая на кровати и долго наблюдал за своими пальцами, сжимая и разжимая кулак, словно канатоходец, который, пройдя по натянутому над бездной канату, становится на колени и целует землю.*

Но однажды все закончилось. Быть может, он вынырнул из сна слишком рано... Вынырнул до того, как сон закончился. С тех пор он больше не мог пошевелиться, а лишь лежал в постели и сквозь полураскрытые веки видел стену комнаты, часы на ней, окно и вазу с маками на подоконнике. Тканье часов наполнило все его существование. Единственное, что он мог испытывать – это боль; острую, как скальпель, и бессмысленную, как он сам. Теперь он не мог, как каждое утро прежде, наблюдать за своими пальцами, точно так же, как канатоходец не мог бы с высоты каната поцеловать землю – ведь под ними обоими лежала пустота. Он напрягал волю, все силы, чтобы подняться, но сил этих было недостаточно ни для него, ни для выдуманного им образа канатоходца. И этот образ – все, что у него осталось – помогало ему не сойти с ума от времени...»

Был у нас в издательстве и другой автор, человек уже весьма преклонного возраста. В силу жизненного пути, где мало было места книге, война, голод, тяжелый труд не дали получить образование. И вот только на старости, уже имея внуков, наш автор почувствовал потребность рассказывать им сказки. И он решил писать эти сказки сам. Он приносил эти сказки в редакцию, и, честно говоря, все им написанное вызывало смешанные чувства и жалости, и негодования...

В общем, что называется, и грустно, и смешно. В сказках нашего пожилого начинающего автора царила полная неразбериха: Красная Шапочка превращалась в Царевну Лебедь, лягушка дружила с Колобком, Маленький Мук пересказывался на манер современной басни, куда прилетались реалии, совершенно чуждые данному повествованию. В общем, многие замечательные сказки смешались в голове автора, придя к нему то из мультфильмов, то из каких-то еще пересказов.

Сказать, что все это было написано неграмотно – значит, ничего не сказать. Но и не это самое страшное, а то, что его внуки никогда не смогут из уст бабушки услышать красоту русской сказки, уловить восточную мудрость и лукавство грузинских сказок, почувствовать радость от соприкосновения с истинным народным творчеством. Да и не только это! Они просто не смогут отличить добра от зла! Ведь художественное произведение – это, прежде всего, правильная расстановка именно добра и зла, это – добрый советчик, это герой и антигерой, это мудрая учеба и к тому же – благодаря родному языку – патриотический призыв, некий точный посыл в самое сердце. Всего этого могут оказаться начисто лишены люди, проскочившие стадию сказок (не важно, в письменном ли, устном ли виде) и постигавшие жизненные азы только эмпирическим путем – то есть участь всему на собственном опыте. Страшно даже себе представить, сколько могла потерять русская – и не только русская! – литература, не будь у маленького Пушкина Арины Родионовны!

Наш журнал дружит со многими учебными заведениями и Ростова-на-Дону, и других городов Ростовской области. Завязалась дружба и с преподавателем литературы достаточно престижного колледжа, в котором готовят работников кино и телевидения. Понятно, что туда поступают не самые последние ребята и не из самых плохих семей – ведь профессии, которые они приобретут в этом учебном заведении, сегодня одни из наиболее востребованных и хорошо оплачиваемых. Наша учительница – педагог старой закалки, любящий свое дело, родную речь и литературу, да и просто равнодушный человек. И у нее есть такая традиция – всех своих абитуриентов она письменно тестирует, чтобы познакомиться с ними поближе и иметь представление об уровне их знаний и осведомленности в вопросах русского языка и литературы в целом.

И в прошлом году она, как всегда, продиктовала будущим учащимся тщательно подготовленные вопросы. Результаты ошеломили. Сначала – ее, а потом уже и нас, ибо наша учительница принесла всю эту подростковую историю к нам в редакцию. Чего только не было в ответах ребят! На вопрос, кем им представляется герой нашего времени, они отвечали и «Пушкин» (вообще на всякий случай Пушкина они упоминали как можно более часто – на всякий, видимо, случай. Раз он «наше все», то вероятно попадание в цель хоть на один из вопросов!), и Чехов с Беликовым, а одна девочка даже написала, что «герой нашего времени – воробей». Почему так, объяснить внятно она не смогла. Среди писателей, прославивших Донской край, назывался опять-таки Пушкин, а затем и Достоевский – для солидности, видимо, и кто-то еще совсем из другой области. Однажды ни Шолохова, ни Анатолия Калинина, ни Виталия Закруткина, ни Бориса Примерова ребята не знали вообще. Ни один человек! Не лучше обстояли дела и с теорией. «Сужет», – писал один мальчик, – это то, что остается от фабулы». Кстати, «сужет» вместо «сюжет» написали еще шестеро человек. Чехова и Пушкина ребята смело писали с маленькой буквы, а поэзию называли формой стихосложения...

Возникает вопрос: что сделала с этими учениками школа? Где были родители? Неужели в семье совсем нынче не ведется духовных, интеллектуальных разговоров? Как это ни прискорбно, но похоже, что утрачивается, может быть, самое главное – связь с прошлым через литературу, через ее нравственные основы. И не просто связь с прошлым, но и возможность построения будущего, опираясь не на зыбкие представления о мире, а на четкие внутренние ориентиры. Ведь, как ни крути, а без книги невозможно гармоничное развитие личности!

Нет, я оговорилась – не без книги. Без хорошей книги. Конечно, глупо отрицать очевидное: слабая, вторичная, безыдейная, пошлая литература способна развращать и выхолащивать внутренний мир подростка, приводя его к моменту взросления уже со сложившимся дурным вкусом и литературной всеядностью. А ведь наша лексика выдает не только наше происхождение, но и то, что мы в своей жизни читали или читаем теперь. Под воздействием той литературы, с которой сталкивает нас жизнь, формируются и наш словарный запас, и наши лексические изыски (либо отсутствие оных). Есть у Михаила Задорнова небольшая зарисовка, где он, посмеиваясь, предлагает крайне вежливо спросить у киоскерши, есть ли у нее тетради в клеточку. «Скажите ей: «Будьте добры, пожалуйста, не соблюдайте ли Вы», – и тут же в вас увидят врага, и вы получите свою порцию грубости и хамства», – уверяет сатирик. Нет никаких сомнений, что работница торговли и ее вежливый покупатель читали разные книжки...

Также удручают некоторые интервью современных популярных актеров, в которых они иногда двух слов связать не могут, говорят скабрзности и неумно шутят. Казалось

бы: как же так? В силу профессии актер прочитывает сценарии, должен пропускать через себя человеческие судьбы... Почему же все это не откладывается в его душе, не облагораживает его? Трудно себе представить блистательных актеров прошлых поколений, особенно театральных актеров, напропалую несущих нецензурщину и плохо себе представляющих, что и как им надо сыграть. Но то была особая школа, а что сейчас? Сейчас в виду скорости и сериальной занятости актеру порой просто некогда глубоко проникнуться авторской мыслью, вживаться в роль. Недавно один весьма успешный актер, сыгравший Берю, признался, что не изучал никакой дополнительной литературы по своему персонажу. «Зачем? – искренне недоумевал он. – Я полностью доверяю режиссеру и делал все, что он мне говорил...» Вот и выходит, что та творческая элита общества, на которую прежде действительно нравственно равнялись, сегодня сильно подкачала. Ведь они не вживаются в роли, а всего лишь меняют маски: сегодня – зек, завтра – простите, мент, послезавтра – Пушкин или Есенин, а то и Иисус Христос...

В последние годы я заметила еще одну печальную вещь: молодежь если даже и читает, то зачастую предпочитает иностранную литературу отечественной. Мне нередко приходится сталкиваться с начинающими авторами, чьи сочинения безжизненны и напоминают мертвый подстрочник. Когда начинаешь выяснять, каким книгам отдает предпочтение горе-писатель, обычно он сначала долго думает, потом неохотно выдает какую-нибудь зарубежную фамилию. Спрашиваешь: «А ты читал Фета? Толстого? Чехова?» – «Нет, – говорит, – скучно». А на самом деле скучно то, что пишет этот начинающий писатель, уже с детства оторванный от своей языковой культуры и, к сожалению, не впитавший с молоком матери образов и формообразований, крылатых фраз и концентрированных поэтических откровений, пословиц и притчей – то есть всю прелесть, все многообразие, все богатство родного языка.

Очевидно, что это обоюдный, взаимоперетекающий процесс: читатель – писатель – читатель. Писатель (то есть его книги) формирует читателя, а читатель может впоследствии вырасти в писателя. И здесь нужна совокупность определенных условий. Одних литературных способностей и знания жизни здесь мало. И тяги к писательству тоже недостаточно. Надо еще и прочитать вовремя определенную литературу, пропустить ее обогащающий кислород через свою кровь. Эту самую неистребимую тягу к писательству мы сегодня повсеместно наблюдаем, и ничего хорошего зачастую в этом опасном трудолюбии нет. Магазины ломятся от некачественного самиздата и прочей литературы, рифмующейся со словом «макулатура». А в русском языке, как известно, то, что рифмуется, – то и правда. Рифма придает дополнительную магическую власть словесному посылу. Афоризм становится музыкой. Вообще рифмованных пословиц множество в русском фольклоре. Ведь именно народные мыслемы в рифму народной же мудростью и слышат: «Поспешишь – людей насмешишь», «Мирская молва что морская вода», «Зять любит взять, а тесть любит лезть», «Рыбак рыбака видит издалека» и так далее. Так что выражение «Не литература, а макулатура» можно смело причислить к грустным афоризмам нашего времени. Или можно еще так, не менее негативно: «Литература? Нет! Халтура!»

Вот и выходит, что не читающий человек, то есть *не читатель* – он в будущем и *не писатель*. И замкнется круг, и придет царствие графомании ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Или все-таки нам удастся разорвать этот порочный круг?! Но как, если сегодня все больше дел совершается нами на бегу, между другими делами? И на такой глубокий, сложный, почти интимный процесс, как чтение художественной литературы, у нас зачастую просто не хватает времени. Да и нельзя читать серьезную книгу в метро, или во время лекции, или как-то еще не менее неудобно. Это все равно что в ванне попытаться заняться дайвингом. Ну, примерно так... Вот и приходится вечно спешащим нашим согражданам довольствоваться второсортными книжками от местного разлива авторов – ведь это все, что можно успеть поглотить на бегу, в шуме и суете. Вроде хот-догов и гамбургеров, которые прожорливые поедают прямо на улице. Так что чтение дешевых (не по цене, разумеется!) детективов и всякой лженаучной популярной литературы можно сравнить с таким вот современным духовным фаст-фудом, который сытость-то, может быть, и дает, но это временное насыщение все-таки больше вред, чем польза.

Поэтому пора, пора бить тревогу и сообща делать все, чтобы наши дети узнали, что такое настоящие герои, настоящая любовь и настоящая мечта. Ведь по мере взросления формируется образ мышления, а с ним – личность. И хорошо, если рядом всегда будет умная и прекрасная книга – верный и надежный друг, наш проводник в мир духовного, в мир познания себя через красоту и образность языка и истории. А литература в нашем сознании начнет рифмоваться со словом «культура». Ну, хотя бы так...

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Василий Дворцов

ОТЦОВСТВО

Поздравляем В. В. Дворцова с вручением Всероссийской литературной премии им. И. А. Бунина за роман «Каиново колено» и другие произведения.

Отец-родитель-патриарх... Отчизна-родина-патронаж... Отчество-родство-патриотизм... Какие сильные, уверяюще внушительные, неколебимо величественные слова.

А еще детски лепетные: ата-тятя-баты-фати-папа-поп...

Мы привычно равнозначно употребляем слова, имеющие славянское, иранское, арийское происхождения. Что совершенно естественно, ведь все языки всех времен и народов всегда начинались и начинаются с этого самого главного для человечества определения – определения первопричины, первоначала, источника окружающего мира. И потому за всеми звуковыми и начертательными различиями, для всех потомков Адама несомненно-необсуждаемо понятное тождество, сущностное единство наименований Творца неба и земли, видимого же всего и невидимого.

Принимая абсолютность непостижимости для мира самого Демиурга, соглашаясь с непререкаемостью все определяющей Его доброй воли, человечество на протяжении всей своей истории стремилось уразуметь, разгадать смысл факта творения, дабы определиться в нем со своим местом, понять промысел о себе. Чтобы из этой определенности уже выводить, выстраивать отношения с Создателем. Но, так как даже распознавание промысла Творца не в воле твари, то история человечества – это, прежде всего, история получения людьми Его откровений о Себе. Его добровольных откровений. Но, ох как часто «забегали» люди «наперед батьки», принимая страсть самозначимости, самовеличия за предначертанность, в гордынном упоении не оглядываясь ни на опыт традиций, ни на грозные слова предупреждений посылаемых пророков.

Именно из этого неслышанья-неопыта вышли искажения религиозных ритуалов, практик и учений – от суеверного ужаса упоминания имени с попытками задобрить идола обильными кровавыми жертвоприношениями, до индугенций или уверений в безнаказной вседозволенности «уже избранных».

Повторюсь: наша история – история веры и неверия, любви и боязни, преданности и отступничества – многовековые богоискательства, богообщения или богоборчества. И история эта принципиально разделена проповеданием благой вести о пришествии в мир Сына Божия, назвавшего себя Сыном человеческим, благой вести о том, что наступила Новая эра, и всяк человек теперь смеет обращаться к неведомому до того Создателю и Господину Вселенной – «Отче наш»!

«Отче наш Небесный!» – божеское усыновление рода людей через воплощение Иисуса Христа от Святого Духа и Девы Марии явилось главным жизнеопределяющим откровением, во всей полноте раскрывшим и тайну сотворения всего и вся, и наше в том акте место. Вечеловечные нематериальные Бога, исполнив все древние пророчества, пронизало смыслом бытие цивилизаций и бытовой уклад всех племен и народов от адемовых детей, через Потоп и до нас, и на остаток времен. Ведь звание «отец» много выше, шире и богаче, чем «творец-создатель», чем «источник-начало», чем «причина-зачин». Отцовство – понятие всеохватное и настолько многоплановое, что умещает в себе и догмат о Святой Троице, и юридические определения семейных отношений.

Отцовство подобно бесценному бриллианту, что сверкает и переливается множественностью граней, ведь оно и сотворение, и научительство, и вскармливание, и защита. Но оно же и суд с наказанием. Как и милосердие со всепрощением. Попробуем рассмотреть хоть некоторые из этих проявлений.

Прежде всего, вспомним православное учение о Пресвятой Троице, столь наглядно раскрытое нашему пониманию святым Сергием Радонежским через икону святого Андрея Рублева. Именно отечественное богословие, вызревшее осознанием богоносности всего русского народа, мессианским крестношением всего русского государства – Святой Руси, и было направлено на изъяснение сущностей духовной жизни всему миру, а не только исихастски замкнутому иноческому кругу. Сотворившая величайшую по силе и красоте Импе-

рию-цивилизацию вселенскость Русского Православия, вселенскость, защищенная патриархом Никоном от низведения до родоплеменной, – по типу иудейства, – только восточно-славянской религии аввакумовцами, и опиралась на наше общенациональное восприятие мира как неоглядно великой и неописуемо разнородной семьи, иерархически покрытой и увязанной любовью с вершины единого для всех Бога. «Троица» преподобного Андрея явила полноту этой любви: домостроительство Отца, жизненосение Сына, надземность Духа в согласии совета об искупительной жертве: «Так возлюбил Бог землю, что послал Сына своего единственного»... Жертва отца сына, да единственным – это же его, отцово, самопожертвование! Ведь «как Отец в Сыне, так и Сын в Отце» – и вот через догмат о единственности Всесвятой Троицы и нераздельности Любящего Отца и Любимого Сына в Духе Любви раскрывается нам первая грань отцовства: в духовном плане оно – творческая и охраняющая, искупающая и спасающая жизнь саможертвенная надмирная любовь, воспринимаемая, человек единится с Богом, сыновится Творцом.

В общении меж собой на рационально-эмоциональном, чувственно-душевном уровне мы величаем «отцами» священников и монахов, мастеров и учителей, вождей и заступников – тех, на кого и по их возрасту, и по личной заслуженности, и по социальному положению мы взираем снизу вверх. Но взираем безстрашно, с искренним почтением и восхищением, не ожидая от них ничего, кроме покровительствующего благодеяния. «Отцовство» здесь нарицательно, оно – знак уважения, чествование и утверждение достоинства личности, своим авторитетом определяющих и крепящих общественное мировоззрение во всех его сферах, от национальной морали до космополитической науки. Но мировоззрение развитого общества не носимо только живыми людьми, оно формирует, воспитывает, образует себе новых членов через догматы и предания исповедуемой религии, через традиционную культуру и традиционный бытовой уклад, и – через обжитую, подчиненную или подчиняющую природу. Непресекаемость народной жизни, сохранение национальных характеров невозможны без сохранения наследного хлебопашества или скотоводства, вне наработанного за века симбиоза со степными или лесными массивами, реками или горами, без приспособленчества к приливам или лавинам. И через это свое участие в воспитании и формировании приходящих сменных поколений окружающий мир тоже получает статус отцовства – с именем отчины-отчества-отчины.

Отчина – наследная земля, то есть, земля, которая питает – крестьянский надел или дворянская усадьба. Отечество – край, в котором человек вырос, вызрел, по которому его отчужденно воложанином или смолянкой. А отчизна – это земля, в которую легли, став ее неизымаемой частью, отцы – это земля-святыня. Святыня, из которой мистическим вертоградом прорастают их дети, и духовными плодами созревают внуки-правнуки. Как славно, чтобы вырастали они отчизнолюбцами, отечественниками и отчизниками.

Но несомненно, что самое не требующее разъяснений и не ждущее толкований употребление слова «отец» лежит в плоскости семейно-родовых и кровно-племенных отношений. Предок, прародитель, отценачальник – не только источник-зачин родового тела, но и предстоятель за него перед Богом, его управитель, защитник и законодатель. Патриархи в свои времена – когда мир еще не наглухо делился на духовный, душевный и плотской планы, в отношении своих потомков, кровных и принятых через обряды брака, единовластно исправляли всю полноту жреческих, царских и судейских функций. Кстати, помним ли мы, что вообще «начальник» – это тот, кто кому-то или чему-то начинатель? Что он творитель-родитель-отец – жизни ли, воев ли, или дела-начальник?

С возрастанием родов и племен в народы и нации, с развитием, дроблением и усложнением общественных отношений в союзные и государственные устройства, единоличное самовластие патриаршества распалось-расщепилось, что выразилось в обособлении сословий-каст священства, воинства и простолюдинов. И как же наглядно процветание и упадок всех известных нам княжеств, орд, царств, империй и цивилизаций увязаны с симфонией или же противоборством прежде неразличных начальств! Наглядно, но, увы, слишком часто не вразумляюще.

Сегодня только полноценная семья может воссоздавать и подтверждать в отцовстве изначальное единство патриаршеского мироправления. Через это самое-то единство, как раз и становясь полноценной. В русской народно-православной традиции «отец в семье, что Христос в Церкви». Такое понимание сакральности роли главы дома требует от всех его насельников определенного уровня религиозности, дабы естественная и для животных благодарность к кормильцу-заступнику не заслоняла восхищения перед смиренным отцовского крестоношения. Ведь пусть гуманные конституции и либеральные билли гремят-звенят о неких всеобщих человеческих правах, законы Божии утверждают за людьми только их обязанности. Именно исповедуемой и исполняемой им верой глава семьи призывается отмаливать, обязуется питать и защищать, понуждается воспитывать и научать порожденных им чад. Ему, прежде всех ему, неизбежно и неуклонно отвечать за них перед Богом в том мире, и перед соседями в этом.

В традиционно религиозном обществе, какovým до двадцатого века было и наше Российское, должности отцовства распространяются далеко за пределы кровных уз, через общепризнанную сакральность покрывая многие социальные нужды. Ведь родной своим детям отец в глазах верующих соседей несколько не велее отчина – или отца названного, пригrevшего сироту или безпризорника. Отец крестный, воспринимающий младенца от купели, для всех очевидно на Страшном суде сравняется в отчете с плотским. А бывает еще и отцы посаженные – ряженные или прибеседные, заменяющие сиротам родного в свадебных обрядах.

Повторюсь: только в верующей семье земное отцовство способно исполнить все завещанное ему Отцовством Небесным, объединив в себе духовные, душевные и плотские водительства. Да, конечно, любой мужчина, впервые приняв на руки свое новорожденное чудо-чадо, впервые вдохнув ни с чем по сладости не сравнимый запах покрытого пухом темечка, чувствует и осознает, как его жизнь разом и навсегда переворачивается. Что с сего момента он, такой умный, такой сильный и смелый, и сердцем и разумом входит в подчинение, в служение – радостное, самоотверженное, умильное, к этой беспомощной крохе. Любимый нормальный мужчина через годы осознанно терпеливо несет ежедневные труды по взращиванию-воспитанию своей смены, кропотливо научая своему опыту и передавая заветы предков. Любимый вменяемый родитель радуется или скорбит успехам или неудачам карьеры и личной жизни своего уже взрослого, уже почти самостоятельного ребенка. Все так, но для истинной полноты отцовства необходима неразрывность связи между родителем и чадом не только на физическом, кровно-родовом уровне, и даже не на эмоционально-рациональном, душевном. Есть реальность, неотвратимая и общая для всех, которая понуждает помнить о духовном, – смерть.

Рано или поздно смерть рассечет земные узы любви телесной – прах отойдет к праху, порвет чувственные привязи – душа покинет этот мир. И тогда меж любящим и любимым останется только единение – молитвенное. Единение в Боге. Ибо только в Нем смерть ничто: «Владыко Господи Иисусе Христе, Боже наш, источнике жизни и бессмертия...», только в Нем мы неразлучны истинно. И молится сын за отца на земле, а отец за дитя на небе, или – помилюй, Господи, от таких испытаний! – отец с земли, а ребенок с неба, – и связь их, и любовь меж ними в вечности.

Но как правильнее, как законнее, как милосерднее, если прежде смерти о духовном отцу напомним само рождение, вразумит еще только зачатие нового человека.

Ведь лишь вдуматься: вот, вроде бы как нашей волей, нашим желанием и расчетом через мгновение сотворится будущая жизнь. Вроде бы как, но... Но слияние двух случайных в бесчисленных вариантах вероятности встречи клеток для создания тела, поразительного по составной мудрости и совершенству согласия и красоты своего устройства, по идеальной пригодности для освоения и покорения пустынь и морей, трясин и гор, для подчинения всего в этих морях и болотах живущего и произрастающего, а, самое главное, – тела, предназначенного для несения по Земле бессмертной души, души любящей и страдающей, души терпящей и чающей, милующей и дерзающей, внимающей и щедряющей, души, что дороже всех богатств мира, ибо за нее распинался сам Господь, – да разве такое может быть в нашей воле, в наших расчетах?!

Чудо зачатия и рождения человека – величайшее чудо, подвластное лишь Богу, создавшему все видимое и невидимое. Это только в Его воле, в Его желании, в Его плане-промыслении и соединении родителей, и час, и место прихода в телесное бытие новой личности. Бессмертной личности. С задатками и талантами, с судьбой, в которой ее внутренние силы будут уравновешены внешними испытаниями, с поисками себя и служением главной жизненной цели. Личности неповторимо единственной, несравнимо бесценной, ибо Господь не только творит ее, хранит, испытует и вразумляет, одаривает и судит, но выкупает из смерти и страданий Своим страданием и Своей смертью. Да неужели все это зависит от случайности слияния двух из бесчисленного числа клеточек?

«Отче наш, иже еси на небесах...» Земное родительство – лишь наружно видимое воистину невидимой тайны, оно только внешнее исполнение творчества Отца Небесного. И потому и самим отцом, и его родными и близкими оно не может осознаваться иначе, как послушание. Послушание, воплотив Богом данное чадо, отмаливать его и питать, защищать и воспитывать, кропотливо научать своему опыту и передавать заветы предков. И любить. Любить вечно.

ПОЭЗИЯ

Алексей Горобец

* * *

Шиповник обезумел от весны –
От этих гроз,
От этой влажной страсти!

Но суховеев пыльные ненастья
Свершат свое,
Свирепы и скушны.

И вот –
Цветов запекшаяся кровь,
Сухой реки разбитое корыто...

Нам доживать – колючим и забытым –
И в прошлое
Стучаться вновь и вновь...

Тая в душе прощенную любовь

И в сердце –
Непрощенную обиду.

* * *

Сгорают строки дневника
В приглашенной печи.
Судьба глуха, зола легка,
В углу сверчок молчит.

Подушки мягое крыло,
Холодная кровать...
Молчанье – зло, но все ушло,
И не о чем страдать.

И в безголосой тишине
Дозвон исходит в стон,
И позабытый на окне
Немее телефон.

И лишь трамвайные звонки
В надтреснутом стекле,
Да эсэмэски-светляки
Все дребезжат про пустяки,

И непрощенные грехи
Чадят в пустой золе...

* * *

Болотных хлябей колдовские тропы.
Прохладных ягод розоватый дым.

Как хорошо
Нестарым быть и кротким!
Как хорошо
Быть снова молодым,

Когда осталась – нам еще осталась! –
Любви закатной медленная зима,
Осенних дней
Торжественная малость,

И тишина,
И сладость, и усталость,

И спелых ягод розоватый дым.

* * *

Сегодня дождь.
Весна опять рыдает.
Весь вечер бестолково лезет в дом,
Стучит в окно и слезы утирает
Изданным зеленым рукавом.

Я снова изобрел себе задачу,
Отгородившись напрочь от весны:
Я вывожу удачу-неудачу,
Логарифмируя зачеркнутые сны.

В окне туман
Раскуривает трубку:
Там перекур на несколько минут.
Приходит женщина,
Смеется, снимает юбку,
И спрашивает, как меня зовут.

Я ей шепчу, что вот весна рыдает,
И голову на грудь кладу уснуть,
И по ладони мне она гадает
Свою любовь и очень дальний путь.

И губы ворожат и пахнут ливнем,
И губы настаивает стон весны...

Рыдает дождь.
И тенью длинной-длинной
Уходят в ночь
Зачеркнутые сны.

Благовест высокой поэзии

В свое время В. Маяковский почувствовал себя счастливым оттого, «что так и не научился писать обыкновенные стихи». Под этими словами с полным правом мог бы подписаться и мой замечательный друг Алексей Горобец.

Своеобразие его поэтического голоса, уникальность тем, индивидуальность лексики, постоянное участие природы в его лирических откровениях могут иногда отдаленно напомнить манеру Леонида Мартынова, но все равно Горобец неповторим.

И пусто на душе,
И за душой прохлада.
За окнами гроза пускает пузыри:
Рычит на небеса. Льет ливни без огляда
И громко о своем с богами говорит.

Очень нравятся мне импровизационность, спонтанность, непредсказуемость его стихотворений, отсутствие в них какой-либо заданности, что и должно быть присуще подлинной лирике.

Луна, криница, корень мандрагоры,
Копытник с каплей утренней росы...

Так и живу – раздоры и разоры
Завершены, и даже не проси,
И даже не мечтай вернуть,
Вернуться

* * *

Памяти Тамары

Пишу письмо – давно тебе пишу –
На кисее дождя, в линованной тетради
Трамвайных улиц, истинности ради
Все мелкие детали привожу.

Почтовый дилижанс куда-нибудь
Его свезет. Мне адрес неизвестен.
Но лошадям овса, вознице – песен
И мудрости достанет на весь путь.

А впрочем, торопиться ни к чему,
Поскольку – зимний дождь,
И мостовая
Скользит, звенит, подковы обрывая
У лошадей почтовых,

И уму
Непостижима дикость расстоянья,
Что вдруг легло меж нами...
И стоянье
В очередях, где прошлогодний снег
Дают задаром (было бы желанье
Его спросить) – бессмысленно:
Он – снег.

Он знает срок, он снег,
Он изначально
Нам неподвластен –
Здесь, тем паче – там...
И по заросшим силовым полям
Петляет дилижанс, как будто впрямь
Он тягло и возница,
И в звучанье
Его рожка – сиротство бытия,

Где сам не зная, сберегаю я

И мокрядь луж,
И кисею дождя.

* * *

*Дурак утешится прошедшим,
Глупец о будущем скорбит...*

Мы верим снам и любим женщин –
Земных своих, усталых женщин,
Чья ложь честна, а правда спит
В тех ворохах воспоминаний,
Где тьма и муть, и все забудь,
Где дым осенних чертаний
И листьев золотая суть.

И, отворив почтовый ящик,
Тот, что для снов,
Ты вновь готов
Принять под свой счастливый кров
Подруг, давно и сладко спящих,
Друзей, когда-то настоящих,

И позабывших нас врагов –

В раю,
На паперти веков...

В ту невозможность, где твоя любовь
На стыке перестуженных веков
Узнала нас, не дав нам разминуться...

На фоне захлестнувшей страну графоманской, полуграфоманской белиберды и заумно-авангардистских рифмованных ребусов яркий, самобытный голос поэта, сумевшего породнить в своих творениях и классику, и новаторство и способного сочетать разговорные интонации с неожиданными высокохудожественными находками дает большой шанс на выживание всего того лучшего, что было и есть, и, надеюсь, будет в нашей литературе.

Никто о том не знает, кроме Бога:
Еще не время нам понять сполна,
Твоя ли предугадана дорога,
Твоя ли преуказана страна.

Гадать о том никто не правомочен,
Но, тополиным пухом облетев,
Мы будем помнить
Плач стрекоз полночных,
Любовь дождей,
Печаль пустых обочин –

И этот вечный
Благовест дерев...

Валерий Клебанов

Чтоб мы могли в щемящей стуже
Вновь осознать, острее и глубже,
И смысл, и радость
Бытия.

* * *

Подспудной силой расpiraя,
По жилам трав, корней, цветов
Текла глухая, земляная,
Густая, муторная кровь.

Дымящий, дышащий, истошный
Хрипел и рушился поток
Неотвратимых, непреложных
Дождей, крутых, как кипятки.

Утробной благодатью согреты
Шатались жирные поля.
В котле ночей варилось лето
И жадно чавкала земля.

И ненасытность ошалело
Бросала в пот и дрожь коней,
И в губы сорванное тело,
И тело вспаханых полей,

И гибких молний злую яркость,
И новых жизней близкий срок!..
А по земле ходила ярость
Дождей, крутых, как кипятки.

И, мутной силой опьяняя,
По жилам трав, корней, цветов
Текла густая, земляная,
Разгульная, как лето, кровь!

* * *

Отсуеилось лето. Волчьи броды
Заилились. Покой большой реки
Объемлет душу. Призраки свободы –
Обрывки туч – чужим ветрам в угоду
Плывут вверх, легки и далеки.

Плывут,
И след дождя на снежном насте
Все явственней напомнит волчий след,
И передыху не было и нет
В чреде тебе ниспосланных ненастий
И липких зол, и неотвязных бед.

И что теперь пенять и обижаться
На хлад и сумрак, иней на ветвях,
Когда в околках, в колких кучерях
Терновников,
Чья участь – безучастье,

Все явственней осенний ветер счастья

И зимний ужас,
И весенний страх.

* * *

Никто о том не знает, кроме Бога:
Еще не время нам понять сполна
Твоя ли предугадана дорога,
Твоя ли преуказана страна.

Гадать о том никто не правомочен.

Но, тополиным пухом облетев,
Мы будем помнить
Плач стрекоз полночных,
Любовь дождей,
Печаль пустых обочин –

И этот вечный
Благовест дерев...

* * *

Колючих трав немолодая поросль
Осунулась, припала к колее.
Мороз уже прошелся по земле,
И ветры, заплутав, снижая скорость,
Кружатся, вязнут в пепле и золе
Стерни сгоревшей, в холоде закатов,
В скрипучей дреме кряжистых дерев.

И, близостью зимы переболев,
Не помышляешь отделить себя ты
От зябкой участи забытых Богом птиц,
Не улетевших от родных криниц,
Бедующих среди камышей косматых,
По ерикам, вдоль балок, близ станиц,
У плесов, где следы былых границ,
Где боль и боль избыты и разъяты...

Где старые редуты и кресты –
Седая память нашей правоты...

Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968), выдающийся русский писатель. Родился 19 (31 н.ст.) мая 1892 года в Москве в семье железнодорожного статистика. Отец, по словам К. Паустовского, «был неисправимым мечтателем и протестантом», из-за чего постоянно менял места работы. После нескольких переездов семья поселилась в Киеве. Константин учился в 1-й Киевской классической гимназии. Когда он был в шестом классе, отец оставил семью, и юноша был вынужден репетиторством самостоятельно зарабатывать на жизнь и учебу.

В автобиографической очерке «Несколько отрывочных мыслей» К. Паустовский писал: «Желание необыкновенного преследовало меня с детства. Мое состояние можно было определить двумя словами: восхищение перед воображаемым миром и – тоска из-за невозможности увидеть его. Эти два чувства преобладали в моих юношеских стихах и первой незрелой прозе».

Огромное влияние на будущего писателя, особенно в годы юности, оказал А. Грин. Первый небольшой рассказ Паустовского «На воде» (1912), написанный в последний год учебы в гимназии, был напечатан в киевском альманахе «Огни». По окончании гимназии он поступил в Киевский университет, затем перевелся в Московский университет.

Первая мировая война заставила его прервать учебу. Работал вожатым в московском трамвае, затем в санитарном поезде. В 1915 году с полевым санитарным отрядом отступал вместе с русской армией по Польше и Белоруссии. После гибели на фронте двух старших братьев вернулся к матери в Москву, но вскоре снова начал скитальческую жизнь. В течение года работал на металлургических заводах в Екатеринославе и Юзовке и на котельном заводе в Таганроге. В 1916 стал рыбаком в артели на Азовском море.

Февральскую и октябрьскую революции 1917 года встретил в Москве. После победы советской власти начал работать журналистом и «жил напряженной жизнью газетных редакций». Но вскоре писателя вновь «завертело»: он уехал в Киев, куда переехала его мать, пережил там несколько переводов во время Гражданской войны. Служил в Красной армии, сражаясь «со всякими отпетыми атаманами». Вскоре оказался в Одессе, где попал в среду молодых писателей – И. Ильфа, И. Бабеля, Э. Багрицкого, Г. Шенгели. Прожив два года в Одессе (1917–1919), уехал в Сухум, затем переехал в Батум, потом – в Тифлис. Странствия по Кавказу привели его в Армению и даже в северную Персию. Богатые впечатления от этого древнего края, наполненного стихами Низами, Хайяма, Рудаки и других поэтов древности, легли в основу прекрасного рассказа «Пыль земли Фарсистойанской».

В 1923 году вернулся в Москву и начал работать редактором РОСТА. В это время печатались не только его очерки, но и рассказы. В 1928 вышел первый сборник «Встречные корабли». В том же году был написан роман «Блестящие облака». В этом произведении детективно-авантюриная интрига сочеталась с автобиографическими эпизодами, связанными с его поездками по Черноморью и Кавказу. В год написания романа писатель работал в газете водников «На вахте», с которой в то время сотрудничали А. С. Новиков-Прибой, М. А. Булгаков (одноклассник Паустовского по 1-й Киевской гимназии), В. Катаев и другие писатели.

В 1930-е годы Константин Георгиевич активно работал в газете «Правда» и журналах «30 дней», «Наши достижения» и других изданиях. Побывал в Соликамске, Астрахани, Калмыкии, на Кубани и многих других местах – по сути, объездил всю страну. Многие впечатления этих поездок «по горячим следам», описанные в газетных очерках, воплотились в художественных произведениях. В «Кара-Бугазе» Паустовскому удалось рассказать о разработке залежей глауберовой соли в заливе Каспия так же поэтично, как о странствиях юноши-романтика в своих первых произведениях.

После выхода в свет «Кара-Бугаза» Паустовский оставил службу и стал профессиональным писателем. По-прежнему много ездил, жил на Кольском полуострове и на Украине, побывал на Волге, Каме, Дону, Днепре и других великих реках, в Средней Азии, в Крыму, на Алтае, в Пскове, Новгороде, в Белоруссии и других местах.

Особое место в его творчестве занимает Мещерский край, где он подолгу жил один или с друзьями-писателями – А. Гайдаром, Р. Фраерманом и другими. О любимой им Мещере Константин Георгиевич писал: «Самое большое, простое и бесхитрое счастье я нашел в лесном Мещерском краю. Счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряженного труда. Средней России – и только ей – я обязан большинством написанных мною вещей. Я упоминаю только главные: «Мещерская сторона», «Исаак Левитан», «Повесть о лесах», цикл рассказов «Летние дни», «Старый челн», «Ночь в октябре», «Телеграмма», «Дождливый рассвет», «Кордон 273», «Во глубине России», «Наедине с осенью», «Ильинский омут» (речь идет о рассказах, написанных в 1930-1960-е годы). Среднерусская глубинка стала для писателя местом своеобразной «эмиграции», творческим – а возможно, и физическим – спасением в период сталинских репрессий».

В годы Великой Отечественной войны Паустовский работал военным корреспондентом на Южном фронте и писал рассказы, среди них «Снег» (1943) и «Дождливый рассвет» (1945), которые критики, несмотря на то, что в этих произведениях описаны тяжкие события войны: зверства гитлеровских оккупантов, муки и лишения народа, мужество и любовь к родной земле – называли «нежнейшими лирическими акварелями».

В 1950-е годы Константин Георгиевич жил в Москве и в Тарусе на Оке. Стал одним из составителей важнейших коллективных сборников демократического направления «Литературная Москва» (1956) и «Тарусские страницы» (1961). В годы «оттепели» активно выступал за литературную и политическую реабилитацию гонимых при Сталине писателей – Бабеля, Ю. Олеши, Булгакова, Грина, Н. Заболоцкого и других литераторов, неугодных тому режиму.

В середине 1950-х годов к Паустовскому пришло мировое признание. Он получил возможность путешествовать по Европе. Побывал в Болгарии, Чехословакии, Польше, Турции, Греции, Швеции, Италии, Франции. В 1965 долго жил на о. Капри. Впечатления от этих поездок легли в основу рассказов и путевых очерков 1950-1960-х годов «Итальянские встречи», «Мимолетный Париж», «Огни Ла-Манша» и других.

В 1965-м году путем сложных дипломатических интриг правительству Советского Союза удалось изменить решение Нобелевского комитета о присуждении премии Константину Паустовскому и в самый последний момент вручить ее М. Шолохову. А в Италии и Швеции уже были изданы в «нобелевской» серии однотомники К. Паустовского.

Константин Георгиевич, в последние годы страдавший от жесткой астмы, умер в 1968 году в Москве и согласно его завещанию похоронен на городском кладбище Тарусы. Место, где находится могила, – высокий холм, окруженный деревьями с просветом на реку Таруску, – было выбрано самим писателем. Могила располагается в зеленом квадрате, окруженном дорожками. В изголовье камень неотшлифованного красного гранита, на котором с одной стороны высечена надпись «К. Г. Паустовский», а с другой «1892 – 1968».

«Нежнейшие лирические акварели...»

Выдающийся российский писатель К. Г. Паустовский – один из самых ярких представителей лирико-романтического направления в литературе. В образах своих героев, в воспоминаниях о людях, в описании человеческих судеб и картин родной природы – он, прежде всего, выражает лирическое отношение к миру.

К началу Великой Отечественной войны К. Г. Паустовский был зрелым, немало на своем веку повидавшим человеком, автором прозрачных по языку и легких для восприятия сборников рассказов, романов и повестей. Однако в первые, особенно тяжкие месяцы фашистского нашествия его восприятие окружающего мира резко меняется: израненная, поруганная врагом, искореженная и обгоревшая природа меркнет у него на глазах.

В романе «Дым отечества» один из его героев, художник Пахомов, попав на юг в санитарной машине, «не узнавал прежние, хорошо знакомые места. Города, покрытые пылью взрывов, казались совершенно чужими. Их белые дома были замазаны для маскировки грязью и глиной...». Мы понимаем, это прошло сквозь сердце автора, для которого эти места России были хорошо известны с юношеских лет.

По его просьбе с первых дней фашистского нашествия К. Паустовский был направлен в качестве военного корреспондента на Южный фронт. В очерке «Жизнь» писатель передает собственное впечатление лета 1941 года: «...прямо на нас низко шли немецкие бомбардировщики. Земля была пересохла, жаркая. В небе стояли серые облака. Я никак не мог избавиться от навязчивой мысли, что облака эти покрыты густой пылью, вздымавшейся с земли, от развороченных войной дорог... Впервые тогда я почувствовал неприязнь к этим облакам, к закату солнца и грозным тучам – ко всему, чем пользовались черные немецкие «фокке-вульфы», чтобы незаметно подходить к нам и обрушивать на землю свистящие бомбы».

Начальный период Великой Отечественной войны в нашей литературе особый. Очерки и репортажи, стихи, лирические песни и политические памфлеты наших писателей и поэтов были тогда подчинены всепоглощающей идее – идее гнева и возмездия, предельного напряжения сил ради победы над ненавистным врагом. Наполненные войной, они воистину дышали порохом сражений. Все: и вчерашние хлебоборобы, и сталевары, и писатели, одетые в солдатские шинели, и труженики тыла – жили единой мыслью: «Все для фронта! Все для победы!». И первые рассказы Паустовского были как прямой отклик на понятный без слов плакат: «Родина-мать зовет!».

В эти годы Константин Георгиевич Паустовский публиковал очерки и статьи в газетах «Защитник Родины», «Красная звезда». Писал и небольшие рассказы, среди них «Снег» (1943), «Дождливый рассвет» (1945) и другие, которые критики называли «нежнейшими лирическими акварелями». Но события военного лихолетья наложили отпечаток на многие его произведения. Беспощадно разоблачаемый образ врага объясняет логику поведения его героев: меньше всего созданные для войны, незлобивые люди преобразуются в чрезвычайных обстоятельствах иногда совсем неожиданно для себя и других.

Приканчивает изверга-офицера, замучившего двух еврейских детей, безобидный старый цирюльник-армянин Аветис в «Английской бритве». Молодой живописец Ваня Терехин, исповедующий прекрасное, вместе с партизанами отважно «выкуривает» немцев из родной деревушки («В древнем краю»). Яростно сражается с вражеским самолетом и погибает, успев поразить его из зенитного пулемета, молчаливый улыбчивый казах Испендиар, уроженец «просторных и ровных, как небо», степей («Остановка в пустыне»). До глубины души потрясает горе тихой пенсионерки Варвары Яковлевны в «Робком сердце». Читатель сопереживает ей, видя подвиг и смерть нашего летчика – ее ласкового, застенчивого племянника, разбомбившего батарею противника, но схваченного врагом и казненного на глазах жителей его родного южного городка. Может быть, это был Ейск или Новороссийск?

Но жестокости и тяготы войны в его творчестве, как правило, не на первом плане. В случаях же, когда К. Паустовский об этом писал, его отклик был тем скупей и сдержанней, чем страшной оказывались впечатления. Так в «Повести о лесах», в «Дыме отечества» оккупация, блокада, фашистские зверства кратко засвидетельствованы почти в стиле документа. И тема самой войны получает своеобразное преломление.

Паустовский пошел по пути не непосредственного отражения военных событий, а поисков особого ракурса, который давал бы возможность подчеркнуть морально-этические аспекты происходящего. Со свойственной ему лирической обостренностью писатель выявляет их не в крупных, а в малых явлениях, находящихся, в основном, на периферии главных событий («Спор в вагоне», «Дорожные разговоры», «Степная гроза», «Подпасок», «Белая радуга»).

Центральной темой его произведений тех лет становится также тема осознания человеком своей принадлежности к Родине. В рассказе «Бакенщик» (1943) устами бакенщика Семёна писатель так говорит об этом: «Наша страна – прелесть какая! За эту прелесть мы тоже должны с врагами драться, уберечь ее, защитить, не давать на осквернение. Правильно я говорю? Все шумите: «родина», «родина», а вот она, родина, за стогами!». Семён говорит о перепеле, которого надо тоже защищать; о клевере, ромашке, медунице и других травах нашей России, которые не смеет топтать лютой враг.

К. Г. Паустовский на Южном фронте во время Великой Отечественной войны

Главная гуманистическая идея произведений тех лет заключается в раскрытии Паустовским противоестественности войны человеку и человечеству. Его рассказы заостряют внимание на великой ценности жизни, каждого неповторимого ее мгновения, на добрых и возвышенных человеческих чувствах, которые, вопреки злой силе войны, остаются незабываемыми в «мире человека».

А. Медников, вспоминая о встрече с Паустовским в 1944 году, отмечает, что и в те суровые дни Константин Георгиевич не изменял своей твердой убежденности в первостепенной необходимости доброго искусства. «Война – дело жестокое, – сказал тогда Паустовский, – но не надо воспевать ожесточившиеся характеры. Все-таки писать надо о добром, о хорошем, благородном и красивом в человеческой душе...»

Он стремился внести в суровое, скучное существование людей немного радости, напомнить о минутах просвета, о близких людях, о клочке неба, завидневшемся из окопа; о чем разливалась тогда на солдатских привалах гармонь, наигрывая старинный вальс «Осенний сон» и пел Марк Бернес в кинофильме «Два бойца»; о чем была и «Землянка» А. Суркова и лирика К. Симонова.

Эту неистребимую тягу к теплоте, прочности человеческих связей с людьми, близкими даже не по родству, а по духу, К. Г. Паустовский отобразил в целой группе лирических новелл, объединенных общей «мелодией любви»: «Кружевница Настя», «Пачка папирос», «Бриз», «Фенино счастье», «Поздняя весна», «Белая радуга».

Паустовский пишет о ранах и расставаниях, вызванных войной. Однако, говоря о грустном и даже трагическом, он в произведениях тех лет остается оптимистом. Оптимизм этот не поверхностный, а внутренний и глубокий. Он основан не просто на вере в нашу победу, а на вере в человека, который в силах победить не только врага, но и то низкое, жестокое, мерзкое, что несли с собой гитлеровские изверги-оккупанты.

Константин Георгиевич ненавидел фашизм во всех его проявлениях. Он был, несомненно, истинным патриотом и на фронте показал себя мужественным человеком. Но он пришел в литературу с лирическим рассказом – и этому жанру остался верен на протяжении своего более, чем пятидесятилетнего литературного пути.

Г. Яковлев,
учитель русского языка
и литературы школы № 91 г. Краснодара,
член Союза журналистов России

СТУДЕНТЫ ПИШУТ О ВОЙНЕ

В лето 1943-го

В руках Григория бился пулемет. Шли трети сутки напряженной бессменной работы, уже ему привычной. А поначалу, на привале, или ночью, стоило лишь прикрыть веки – и он снова видел сквозь желтую дорожную пыль спины друзей, согнувшихся, бегущих вперед с пулеметами. И в полусне Григорий чувствовал тяжесть оружия, готового сейчас же строчить вражеский некролог; руки подрагивали, словно им страшно быть пустыми. Но ко всему можно привыкнуть, даже к взрывам, отдающимся в голове и груди гулким эхом, к желтой дорожной пыли и к жизни, так изменившейся для всех в одно утро.

Григорий сумрачно вглядывался в наступающую немецкую пехоту, в этот серый туман из плоти и крови. Его пулемет не просто стрелял – казалось, он сам рвался в бой. Он вырывался, как разъяренная сторожевая собака, чью территорию нагло нарушили. Григорий сжимал пулемет, который стал ему и семьей, и другом, в руках оружие было уже привычнее, чем обеденная ложка. И они вместе делали свою сторожевую работу.

Над полем висел вязкий дым, залеплявший ноздри, льющийся в уши, застилающий глаза. Бойцы уже давно его не ощущали, как и не видели своих ран, не обращали внимания на гудящую от снарядов землю. Им требовалось совсем немного – воды и кусок хлеба, чтоб каждый день снова брать в руки оружие. Если когда-то людей связывало немного, то теперь были одни и те же военные зимы, пустые, бесплодные поля и общее дело, святая идея – на всех. Если им удавалось поспать, то они засыпали с тем, чтобы с пробуждением продолжить начатое. В едином порыве, в едином броске.

Бой разгорался. Уже к полудню под людьми, живыми и уже мертвыми, земля раскалилась докрасна. Она плавилась под ногами, залитая людской кровью. Пулемет Григория отстукивал, отсчитывал фашистские жизни. Тук-тук-тук... Вязкий желтый дым перед бойцом медленно расступился. Тук-тук-тук... Григорий вдруг ясно увидел уплывающий пустой перрон. На самом деле, здесь была вся его станица: солдат провожали матери, жены и дети. Но для Григория перрон был щемяще пуст, потому что не виднелось ни белого в мелкий горошек платка, ни пшеничных тяжелых кос на плечах – знакомых до боли, любимых. Григорий сжал сильнее пулемет, стараясь сосредоточиться, отогнать воспоминания, но видел лишь, как бегут, словно издеваясь, рельсы, бегут назад, в его станицу. Григорий тряхнул головой. Немцы неумолимо наступали. Топча сапогами несеянный русский хлеб, убивая отцов еще не родившихся детей, надвигалась бездушная армия. Их сопровождали дрессированные металлические звери.

Нужно было держать оборону. Таков был приказ. Уже третий день немцы шли на Курский выступ. За ним – вся Россия. От исхода этой битвы будет зависеть исход войны.

Зной усиливался. В какой-то момент Григория показало, что желтая пыль стала сгущаться над ним. Она звенела, как звенит в ушах, когда остаешься один в тихой комнате. Невыносимый звон стал стекаться к нему, завис над головой. Григорий старался забыть о зное и налег на пулемет. В ушах звенело, глаза застилало что-то темное, боец сжимал зубы, но не прекращал огонь, он не мог позволить себе остановиться. И в этот момент все затихло. Среди густого желтого тумана, обнявшего Григория, ясно разлился летящий осколок снаряда. Он двигался медленнее, чем останавливающийся состав поезда. Григорий уже чувствовал, будто горит его грудь, тело будто сковал паралич, от осколка невозможно было оторвать взгляда. Смерть приближалась неторопливо, словно давая бойцу возможность покаяться или что-то изменить. Григорий закрыл глаза. Перед ним уплывал серый перрон, мелькали танцующие рельсы. Бой продолжался, гремели орудия, всюду рвались снаряды. Но Григорий уже ничего не слышал. Бой продолжался. Но без него.

Год 2008-й

На скамейке около школы сидел Воронов. Он угрюмо жевал булку из столовой. Из-за угла прозвучало призывное: «Ворон!» – Че ты мне ее приперла? – Воронов отбросил булку в сторону и направился за угол. Там обычно собиралась вместо уроков

Мы обязательно
встретимся

Рассказ

компания его приятелей. Там они дружно курили и ругались матом. Катька, которая принесла Воронову из столовой его порцию, обиженно захлопала ресницами.

– Я еще не все сказала! – кинулась вдогонку Катька. – Тебя завтра классная вызывает!

– Ну и флаг ей в руки, – не оглядываясь, буркнул Воронов. Катька остановилась. Вчера ей было поручено в честь наступающего праздника навестить ветерана войны. И в пару дали Воронова.

– И что, мне самой к нему идти? – Катька догнала его и схватила за рукав.

– Да иди куда хочешь, – задымил Воронов. – Мне неинтересно копать огород у какого-то древнего деда.

– А что тебе вообще интересно?! – Катька круто повернулась на каблуках и стремительно пошла обратно. Она пролетела мимо скамейки, на которой только что сидел Воронов. «Каков наглец, – думала Катька, почти вбегая в школьный двор, – и как в вас девчонки вообще влюбляются? Вы же не понимаете, дураки, кто вас по-настоящему любит!»

Школьный двор был по-майски наполнен птичьим гамом и запахом сирени. Только что закончилась торжественная линейка, посвященная Дню Победы. Каждый год в школу на праздник приходили передвигавшиеся с трудом пожилые ветераны. В этом году их уже меньше, чем в прошлом. Когда-то они освободили эту страну, этот маленький город, эти улицы. Катька не знала, как их зовут. Впрочем, ее это не слишком расстраивало, мысли были заняты совсем другим. Завтра 9 Мая, значит, выходной. Можно снять надоевшую школьную форму, надеть короткое платье и пойти гулять на площадь. Может, там и Воронов появится, а Катька такая будет неотразимая! Главное, чтоб только мама отпустила.

А на следующий день городская площадь была вся в воздушных шарах и сирени. Всюду продавали мороженое и сладкую вату, в открытых кафе дымился шашлык. Люди нескончаемыми потоками перетекали от киосков с мороженым к высокой сцене на площади, где стояла очаровательная девушка в пышном платье, объявлявшая концертные номера. Исполняли военные песни, торжественно гремел оркестр.

«Это была война, в которой мы победили. И сегодня, спустя 63 года, мы снова вспоминаем великий подвиг народа, который встал на защиту своей земли, своих жен, детей и матерей, – громогласно говорила ведущая. – Спасибо вам, дорогие ветераны, низкий вам поклон! А сейчас встречайте вокально-инструментальный ансамбль!». Зрители восторженно аплодировали. Здесь были и волнующиеся мамочки маленьких артистов, и школьники, радовавшиеся свободному от уроков дню, молодежь и семейные пары. Они были улыбки, как недавно родившееся майское солнце. Ветераны были безмолвно-торжественны. Опирающиеся на трости и палочки, несущие к Вечному огню в дрожащих старческих руках веточки сирени – это те самые отважные бойцы и партизаны, саперы, связисты, радисты. Они были уже глубокими стариками и старушками. На их темно-синих и черных пиджаках блестяли ордена и медали. Этот молчаливый народ, казалось, принадлежал другому измерению. Между ними и их счастливыми детьми и внуками лежала пропасть. В ней было неизмеримое количество разъедающей душу и тело боли, в которой некогда тонуло и захлебывалось это поколение. Этой болью напоили всех, от мала до велика. Ветераны не произносили ни слова, словно длилась бесконечная минута молчания. На сцене исполняли фронтовые песни, читали стихи, танцевали. Но каждый из этих старых бойцов видел перед собой что-то другое, что-то свое. Перед их глазами пеленой стояла их собственная жизнь, как будто прокручивались кадры старого

фильма, который лучше бы не смотреть детям и слабонервным. Старики погружались в воспоминания, задумчиво улыбаясь выступающим на сцене ангелоподобным малышам. Вот их сменил казачий хор в форме, затянувший под баян знакомый мотив. Ветеранам слышалось, что они сами исполняют эти песни. Это они кружатся в вальсе со своими любимыми, которых давно уже нет на свете, это они поют эту самую песню, идут на фронт... Между ними и этой сценой на площади легла целая эпоха, страшная и кровавая, о которой другие, в лучшем случае, только слышали и читали.

Была на площади и девятиклассница Катька. Мама с утра ушла куда-то, и школьница, воспользовавшись моментом, оделась так, как ей хотелось. Она разгуливая в коротком платье и легкой курточке, распущенные волосы развеивались на ветру и прилипали к накрашенным губам. Но Катька радовалась и весенней погоде, и непослушным волосам – ей так надоела школьная форма, что она просто ликовала, находясь на площади в таком виде. Катька ждала подружек. Праздничный день был как раз кстати, чтоб выйти в город и будто случайно встретиться с Вороновым, чтоб он увидел, какая она сегодня нарядная и, может, к кому-нибудь да приревновал. От скуки Катька пришла посмотреть концерт. Песни были скучными, уныло гудел городской оркестр. Катька обнимала сумочку и дула губы. Такой концерт дают каждый год, и ничего тут нового, ничего интересного... Пожалуй, она рано пришла на площадь. Наверное, все знакомые выйдут вечером, а сейчас тут одни только пенсионеры и те, кому мамы не разрешают поздно гулять.

Сделав несколько шагов назад и круто развернувшись на каблуках, Катька врзалась в стоявшего позади нее мужчину. Ей часто доставляла неудобство привычка ходить спиной вперед, за которую ей постоянно делала замечания мама. Это не имело никакого результата, и Катька находила много приключений, приятных и не очень. Сейчас она стояла, уткнувшись в грудь кому-то крепкому и высокому. Подняв глаза, Катька увидела загорелое запятое лицо. Мужчина был в грязной гимнастерке, какой-то горький запах ударил школьнице в нос. Катька захлопала накрашенными ресницами и сделала шаг назад.

– Извините, пожалуйста, – протясь, пролепетала она. Через секунду, придя в себя, Катька уже мчалась домой.

А мужчина остался стоять на площади. Полтора часа назад он очнулся, лежа на рельсах, в его ушах звенело, а руки судорожно шарили по земле. Мужчина встал и пошел к видневшейся невдалеке маленькой станции. Перед глазами его что-то мелькало, но, когда он пытался сосредоточиться на воспоминании, голова начинала гудеть. Ему виделась белеющий платок, женские плечи и упавшие на них косы. Мужчина хмурился, тряс головой и шел дальше. Перед собой он видел небольшой вокзальчик, старые зеленые скамейки, клумбы. Пошатываясь, мужчина все шел и шел, пока не очутился на этой площади, где давали концерт. Здесь он остановился как громом пораженный. Ему вспоминался бой на Курской дуге, товарищи, отражающие немецкое наступление. А здесь на высокой сцене кружились пары, одетые в советскую военную форму. Как это может быть? Сейчас, в это самое время, горит Курская дуга, а в тылу такое веселье! И как он, Григорий, может находиться здесь, а не там, со всеми, на поле боя? Но что это значит? Григорий услышал обрывки слов ведущей, эхом отзывавшиеся в громкоговорителях. «Это была война, в которой мы победили. И сегодня, спустя 63 года, мы снова вспоминаем великий подвиг народа, который встал на защиту своей земли, своих жен, детей и матерей, – катилось по площади. – А сейчас встречайте вокально-инструментальный ансамбль!». В голове

Григория закружилась какой-то вихрь, вокруг летели цветы, люди, шары, в тело словно впивались тысячи мелких игл. Какая-то вульгарно одетая девушка – это была Катька – врзалась в него и через секунду пропала. Григорий был будто оглушен, и сил оставаться на ногах почти не было. Он медленно двинулся к скамейке, над которой раскинулись зеленевшие каштаны. Григорий упал на нее и закрыл глаза.

– Что, солдатик, на ногах-то не стоишь? – продребезжал над его ухом старушечий голос.

– Плохо мне, мамаша, – выдавил Григорий. Он открыл глаза и увидел рядом с собой старую женщину. Она была в старом, но аккуратном пиджачишке, на котором покачивались медали.

– Ишь, как ребятки отплясывают. И ты поди спляши, куда ж тебе сидеть? – улыбалась бабуля.

– Спляшу, мамаша, спляшу...

– Кто такой будешь-то? – скрипела, как старые ставни, бабушка. – Форма у тебя хорошая, что ж ты ее не бережешь? Как в курятнике извалялся!

– Григорий я. Служу...

– А меня Валентиной Петровной зовут, а ты баб-Валей зови, – разрешила бабушка. – В этом году я уж сюда пришла, на следующую – Бог его знает... Ходить и сил нет. Придешь, упадешь на скамейке и смотришь. Люди гуляют, и у самой на душе радостнее становится. А нас-то меньше и меньше все становится. В прошлом году Кольки не стало, сына Никанорова. А на прошлой неделе и Васильевны мужа похоронили. Из связистов здешних одна я осталась...

В висках Григория застучало. «Это была война, в которой мы победили. И сегодня, спустя 63 года, мы снова...» – забило в голове у него.

– Когда закончилась война, мать? – хрипло спросил Григорий.

«И-и, видать, солнышко припекло», – подумала Валентина Петровна.

– Ну что ж ты, совсем плохой? – забеспокоилась она.

– Когда закончилась война? – отекая нивая каждое слово, почти угрожающе повторил Григорий.

– В сорок пятом, в сорок пятом, сынок, – Валентина Петровна прищурилась. – И где же ты служишь? Здесь-то такой формы, поди, уже давно не носят.

– Я служу Советскому Союзу.

– А, ты за коммунистов, значит, солдатик? – одобрила старая связистка. Она что-то говорила, когда Григорий встал и медленно пошел через площадь. «В сорок пятом... Спустя 63 года – значит, 2008 год, – и голова заныла, к вискам словно приставили сверло. «Я сплю. Что ж еще? Сейчас идет бой на дуге. А здесь уже празднуют победу, полумудные люди!» – возмущался Григорий. «Из связистов здешних одна я осталась...» – мелькнула у него бабушкина фраза. Конечно, снится... Что же еще?

Григорий двигался в толпе, останавливаясь и хмурясь. Он ощущал множество запахов, разносящихся по площади. Весенний ветер освежал лицо, пригревало солнце. Если это сон, то очень реалистичный... Вдруг кто-то схватил Григория за рукав гимнастерки. Остановившись, он увидел седого старика со слезящимися глазами. Его голос был плачущим и прерывистым:

– Я уже плохо вижу... И слышу слабо. Но тебя я узнал, Григорий. Как тебя, моего единственного товарища, не узнать... Ты такой же, как в день своей гибели, Григорий. Что мне думать, если я тебя сейчас как живого вижу? Если ты пришел за мной – забери меня сейчас. Если ты мерещишься мне, то поговори со мной, давно я не говорил ни с кем... Поговорим давай...

Григорий смотрел в глаза старику. У него был только один товарищ с самого детства – Петруха. Вместе с ним Григорий и служил. Он напряженно всматривался в лицо старика. Тот отпустил рукав Григория.

– Простите меня, старого... Я совсем стал плох, молодой человек, мне показалось, что вы – мой товарищ Григорий, простите...

Руки Григория стали холодеть. Сон это или нет, но это 2008 год, это его станица, и перед ним стоит его старый друг.

– Я и есть Григорий. Здравствуй, Петр.

Они стояли посреди площади, окруженные веселящимися людьми. Два товарища.

СТУДЕНТЫ ПИШУТ О ВОЙНЕ

Их никто не замечал. Петр и верил, и не верил тому, что он видит и слышит своего убитого в сорок третьем товарища. Григорий старался отбрасывать навязчивый вопрос: «Что же со мной происходит?». Петр был давно болен и слаб. Григория ждал на дуге летящий со свистом осколок снаряда, и он помнил об этом. Видимо, это единственный раз, когда у них есть возможность поговорить...

«Я один был тем вечером. Ни с кем ведь не живу... Некому мне, Гриша, ни крыши перекрыть, ни воды поднести... Вечером схватило меня давление, так я совсем из дому не выходил. Дремал чуток, да что нам... Сон не дает уже сил, лишь бы было что от давления выпить, и слава Богу. Слышу, кто-то в двери ломится. Грохот такой стоит, кричат, слышу. Я так и обмер, не знал, что и подумать. Может, случилось что? Еле к двери притащился. Нет у меня окошка рядом со входом, не видел я, кто пришел. Открыл, да и замер на месте – здоровые детины такие... Двое влетели в дом, не обращая на меня никакого внимания. Ворвались, как в тридцать седьмом не врывались. А третий меня обхаживал... Гриша, когда на пол одним ударом уложил, я только глаза руками закрыл. Не мог поверить, понимаешь? Когда в себя пришел немного – никого уже не было. И пенсии моей не было, и ушли вместе с ней мои военные звездочки... Ой, беда, беда, Гриша...» Старик плакал. Уже через час они сидели с Григорием в маленькой хатке, которых так немного осталось в этом строящемся городе. Сжимая прозрачную рюмку в руке, Петр рассказывал, как убило его, Григория, на дуге осколком снаряда, как закончилась война, как он вернулся в свою маленькую станицу, как умерла его жена и как вышли замуж и развехались дочери, как живет он здесь один, как потихоньку разваливается хата, а вместе с ней разваливается и его старое тело.

Они оба не верили в то, что видят друг друга. Но говорили и не могли наговориться, словно припавшие к источнику путники, которые не могут никак напиться воды. Григорий слышал от Петра страшные вещи. За какой-то час для него случилась и смерть Сталина, и развал Советского Союза. Он узнал, как украли награды Петра и избивали его в собственной хате, где среди одной из комнаток раньше скромно лежала в коробочке медаль – немой свидетель несчастной жизни своего хозяина. Петр рассказывал, как сидит молодежь до полуночи с выпивкой на скамейках на его улице, как показывают по его старому телевизору непристойные передачи, как ходит он каждый год за разными справками о своей инвалидности и размере пенсии. Хотелось верить Григорию, что это ему снится. Но уж очень хорошо он чувствовал обиду за Петра и чувствовал разливающуюся по жилам водку, видел стоящую в глазах влагу.

У Григория разболелось все тело. Ныла душа, казалось, она сидит в грудной клетке и разрывает на куски мышечные ткани. Они простились с Петром. После его ухода старик перекрестился, быстро убрал со стола и поторопился в церковь.

Григорий шел по залитым солнцем улицам. А там, на дуге, сражаются его товарищи. Ах, не знают они, за что они воюют! Такой ли прекрасной будет страна, какую они себе представляют, складывая за нее свои головы? Какими будут те люди, за чьи жизни платят своими миллионы бойцов? Григорий шел по тротуару мимо магазинов с яркими вывесками, высоких, похожих на дворцы домов, между которыми порой втискивались такие родные старые хатки, напоминающие музейные экспонаты. Это уже давно не та родная Григорию станица... Это маленький, такой знакомый город... Совсем другие люди. Рассказ Петра привел Григория в уныние. Ему думалось, что происходящее с ним хуже самого страшного ночного кошмара – потому что оно никак не заканчивается. И, что страшнее – это и есть жизнь. Жуткая, безобразная... Оказалось, что в ней может найтись что-то еще более отвратительное, чем война. За что били беспомощного Петра? Что же произошло с людьми за эти полвека? Эх, не знают они, за что воюют... За что, за какую жизнь ни, живые люди, сражаются против металла!

Когда Катька прибежала домой, ее мама, Людмила, была уже дома. На столе в вазе

стоял огромный букет сирени, заполнивший сладким запахом всю комнату. Малые – так Катька называла брата и сестру – были уже второй день где-то на соревнованиях, она даже не знала где. Мама сидела за столом с Катькиной бабушкой, Надеждой, женщины о чем-то тихо говорили и плакали. Катька остановилась в дверях.

— Вы чего, похоронили кого?

— Это где ты в таком виде была? – строго спросила мать.

— Ну мам... Тепло же... На площади была, – сказала Катька, оставляя открытой дверь и проходя в комнату.

Она знала, что ее мама и бабушка особенно бывают сентиментальны в этот день, 9 Мая. Без слез в такие праздники не обходилось, это стало уже традицией. Концерты на площади, военные песни, фильмы создавали какую-то особую атмосферу в этот день. Катька не была столь чувствительной. Она знала, что воевал ее прадед. Знала, что он погиб, знала, что ее маленький город, а тогда еще станица, был оккупирован, а потом освобожден. Но все это не волновало ее так, чтоб захотелось плакать. Ей думалось, что в жизни слишком много проблем, чтобы быть такой ранимой натурой.

— Мне звонила твоя классная руководительница. Почему ты не пошла к ветерану? Катька закатила глаза, что означало: «Как же надоели все эти глупости».

— А что, я одна должна была идти? Воронов тоже не пошел, между прочим. И что, ему ничего не будет?

— Мы сейчас не про твоего Воронова говорим. Он уже не поймет...

— Ну и че бы я пошла? Этот ветеран меня бы еще дрова колотить заставил, мало ли...

— И поколола бы! – завелась Катькина мама. — Тебе было сложно пойти к старику? Просто показать, что о нем хоть кто-то помнит? В то время, пока ты бегаешь со своими подружками, где-то живут старые люди, которым некому булку хлеба принести, у которых нет семьи!

Мамин голос стал таким звонким, как натянутая струна. Казалось, он был единственным звуком в доме. Слова наполнили все пространство. Для этой комнаты перестало существовать все, кроме этих бьющих наотмашь слов.

— Вся семья у старика – это собака и разваливающийся на глазах дом, и он не в силах ничего с этим сделать, потому что уже двигаться тяжело! Так живут люди, которые дали нам и тебе возможность родиться. Среди них и тот ветеран, к которому ты не захотела идти! Но, несмотря на это, они сами приходят в вашу школу и рассказывают вам о войне. Они считают это своим долгом, в отличие от молодежи, которая думает, что своей жизнью никому не обязана. Наверное, эти старики думают, что смогут своими рассказами тронуть ваши сердца. Да вам ведь все это неинтересно! А что вам вообще интересно?! У тебя воевал прадед, да и тебе ведь все равно. Для тебя 9 Мая – возможность пошататься по улицам без цели. Как и для многих других. Чем ты отличаешься от этого Воронова? Ему же с его друзьями все неважно и все смешно! Помочь родителям – неважно. Одноклассники в очках или с лишним весом – смешно! Двойка в четверти – неважно. Соседка по парте влюбилась, ветеран поет на сцене военную песню, кто-то на лестнице поскользнулся – им смешно! А что, что было 60 лет назад, – и вообще неважно...

— Мам, ну че ты начинаешь, – заныла Катька. — Двоек не получаю, к директору тебя не вызывают, ну почему я по улицам-то шатаюсь? Прямо в праздник погулять нельзя! Чем я тебя опозорила? Тем, что к ветерану не побежала?

— Но мне и гордиться нечем, – резко подытожила мама. — Хорошо, тебя не слышат эти старики, хорошо, тебя твой прадед не слышит!

А прадед слышал. Григорий стоял на пороге и боролся с желанием войти. Он пришел к дому, который когда-то оставил. Было время, когда никто здесь еще не слышал, что в ней может найтись что-то еще более отвратительное, чем война. За что били беспомощного Петра? Что же произошло с людьми за эти полвека? Эх, не знают они, за что воюют... За что, за какую жизнь ни, живые люди, сражаются против металла!

Жена хлопотала на кухне. Григорий смотрел на выбивающиеся из-под белого платка темные волосы, на проворные женские руки, успевавшие позаботиться обо всем... Чувствуя разливающуюся по телу усталость, Григорий тогда боялся себе признаться, что он счастлив. Ему казалось, что так будет всегда.

Из распахнутых дверей сквозняком выдувало белые тюлевые занавески. Они колыхались на ветру, как будто приглашая Григория войти. Но он остановился на пороге, задумчиво и напряженно вслушиваясь в резкие слова Людмилы, доносившиеся из комнаты.

Прошло столько лет! Была и давно закончилась война. Как можно надеяться, что он войдет сейчас в комнату и увидит ее, свою жену? Григорий слышал только молодые женские голоса. Осторожно взглянув через развешивающийся тюль, он увидел небольшую светлую веранду. В комнате были трое, но Григорий всматривался в лицо сидящей за столом пожилой женщины в платке.

— Люд, ну чего ты, оставь ее, – примирительно говорила бабушка Надя.

— Ма, ну почему ты ее защищаешь? – уже почти всхлипывая, говорила Катькина мама. — Об этом надо говорить с детьми!

Григорию казалось, что он узнавал в сидящей женщине свою жену. Какая же это мука! Ему думалось, что это была она, и в то же время не она. Это были ее черты, в этом смуглом лице в глубоких морщинах были, несомненно, черты его любимой жены. Он понимал, что она должна быть сейчас очень постаревшей. Но не мог предположить, что на самом деле за столом сидит его маленькая, так изменившаяся дочь Надя. Или не хотел верить, что его жены уже давно нет... Ведь иначе – зачем все? За что ему воевать, если не будет на свете его жены? Затем, чтобы правнуки так дерзко говорили с матерями? Затем, чтобы люди могли бросать себе под ноги хлеб, без крошки которого умирали в блокаду? Неужели затем, чтобы, вернувшись с войны, не быть никому нужными, как Петр?

— Мам, где ты видела ребенка? Малых повоспитывай! Я уже довольно взрослая, чтобы решать, что мне делать и как одеваться!

— Ты меня в могилу загонишь! – крикнула Катьке мать и ушла в дом.

Григорий горько покачал головой.

— Бабуль, я тоже пошла! – обидевшаяся Катька решительно двинулась к двери. Она налетела на стоявшего там Григория. Он направился в дом, и Катька, удивленная, пошла следом, запутавшись у дверей в занавесках. Катькина бабушка негромко вскрикнула и прижала ладонь ко рту. Она медленно оглядывала гимнастерку Григория, его темное лицо и руки... Катька стояла у стены, широко раскрыв глаза. Все трое молча смотрели друг на друга. Казалось, что воздух в комнате от напряжения наполняется звоном. Григорий, словно сошедший со старой фотокарточки, сел перед бабушкой на табурет. Она смотрела, не отрываясь, на него. Наверное, Катькиной маме показалась странной повисшая тишина. Она появилась в дверном проеме и тоже застыла. Григорий глядел в лицо своей дочери, и ему казалось, что за столом сидит его жена. Постаревшая, поседевшая... По ее щекам, изборожденным морщинами, текли слезы. Они смотрели друг друга в глаза. И виделась Григорию его любимая, и она взяла его за руку, успокоила все его тревоги, как делала всегда...

Катькина бабушка вдруг слабо улыбнулась от какой-то внезапно прорезавшей сознание мысли. Она, видимо, единственная поняла, кто сидит у них в комнате. Отец, которого они с мамой так долго ждали с войны, пришел домой. На нее нахлынула волна эмоций, и у Надежды даже не появилось сомнений в реальности происходящего. Она взяла отца за руку...

— Наша мама давно умерла. Когда тебя забрали, она бежала за тобой на станцию, чтобы проститься, и не успела. А потом ждала тебя так долго, сколько могла... – сказала бабушка Григорию.

Он не услышал ее. А услышал где-то вдалеке любимый женский голос его жены: «Гриша, Гриша...»

— Как вы без меня? – еле слышно спрашивал Григорий.

— Мы живем хорошо. Все здоровы. У нас

есть хлеб и молоко: коза привела двоих козлят, – нараспев стала рассказывать бабушка. – Как ты там? Ты не ранен?

— Мы удерживаем оборону. Нужно терпеть совсем немного, родная, нужно терпеть. И когда мы вернемся домой, все будет хорошо, как прежде. Как там наши дети? Они спрашивают обо мне?

— Твои правнуки выигрывают соревнования и привозят награды. Первые места – медали и грамоты. Домой только ночевать являются – все время тренировки... Правнук твой столярничает иногда, как и ты. Катька пятерки из школы приносит. Оглянуться не успеем, как будем замуж выдавать, – медленно говорила бабушка.

Дочь Григория будто писала ему письмо в 1943 год. Как бы она хотела написать ему все то, что не умела когда-то сказать! Не успела сказать... Этот диалог мог продолжаться бесконечно долго. Григорий перевел взгляд на Людмилу, Катьку... Так похожи между собой... И на его жену... Фраза, которую Григорий пропустил мимо ушей, снова прокрутилась в голове: «Наша мама давно умерла...» Григорий очнулся: его держит за руку его дочь, Надя, девочка, которая у него на руках недавно училась писать, и сейчас он видит на ее лице морщины! Да, его жена умерла. Но есть за что воевать: здесь его внуки и правнуки. Здесь, в этом старом доме, его жизнь, спасенная от гибели.

Да, его любимая умерла... Но она все равно здесь, с ним: родной дом, в который хочется вернуться, – это она. Дети Григория и его внуки – это она. Ради жизни его будущей семьи идет сейчас бой. Ради всех, кто живет в этом маленьком, так изменившемся, пусть не к лучшему, городе... За то, чтобы его родной человек продолжал жить в душах других людей, стоит воевать! И над этим нельзя даже задумываться. Должна быть одна, единственная мысль, святая идея для тех, кто воюет на фронте. Смерть ради жизни. Чьей бы она ни была. Так должно быть.

Григорий не мог больше оставаться. Он ушел, когда понял, что его больше ничто не мучает.

После этого случая жизнь его родного дома изменилась. Потребовалось время, чтобы все осознали, что за гостя их посетил. Но с Катькой произошли почти мгновенные метаморфозы.

На следующее утро она чувствовала себя совершенно разбитой. Катьке снилось, что она бежит по взрывающимся рельсам за уходящим поездом. Потом она видела ярко-желтое пшеничное поле, и снова железную дорогу, грохочущую от взрывов. Перед рассветом ей приснился их внезапный и странный гость. Катька помнила, что во сне она была совсем маленькая, она сидела у Григория на коленях, а он учил ее писать. Катька рывком села на кровати. Ей овладело незнакомое чувство: было невыносимо горько и очень тяжело на сердце... Катька вскочила, быстро оделась и умылась. Уже через двадцать минут она бежала по маленьким улочкам своего городка с охапкой сирени в руках. В ее душе происходило что-то непонятное, и она не замечала, как щеки становились мокрыми от слез. Катька летела в гости к своему подшефному ветерану Петру Николаевичу, чтобы сказать, что она о нем помнит.

Год 1943-й

Держать оборону. Таков был приказ. Уже третий день немцы шли на Курский выступ, но встречали отпор, и третий день советская армия стояла под ливнем снарядов и пуль, под этим «свинцовым дождем», но не сделала ни шагу назад под давлением чудовищной силы. Стояла как вкопанная, свободно расправив плечи, выпрямив спину, словно витязь, исполин – Русская земля! А немцы шли. Они накатывались и уходили назад, как морские волны, они будто лизали ноги скале, этому гогучему исполину.

В руках Григория бился пулемет. Кто знает, что с ним произошло несколько минут назад. Только теперь Григорий знал, что скоро закончится война, а для него это случится через несколько минут. И что он ни о чем не жалеет. Сжимая kloчущий от злости пулемет, Григорий едва заметно улыбнулся: «Мы обязательно встретимся...»

Александра Ихлова,
КГУ, филологический факультет,
2-й курс

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге Почта России 54713, цена подписки 110 руб. 52 коп.

ИСТОРИЯ В ИСТОРИЯХ

Сиракузский математик Архимед одним возгласом «**Эврика!**» несказанно удивил эллинский мир, а предложение: «**Дайте место, где я могу стать, и я сдвину Землю**» – вовсе обессмертило его имя. Правитель Сиракуз Гиерон надолго не оставлял Архимеда наедине с наукой, поручая изготовить «что-либо удивительное», а тот сопротивлялся, как мог, ибо «ему было трудно оставлять без присмотра математику, дававшую ключ к пониманию Вселенной, а не как орудие практического применения и цели обогащения». По этой причине, если ему приходилось строить какие-либо механические «игрушки» и даже изобретать что-либо полезное для людей, он не придавал этому значения, считая «за безделицу, как низменное и грубое ремесленничество, несравнимое ни с какими другими, представляющими собою своего рода состязание между материей и доказательством».

Ему принадлежит изобретение так называемого «Архимедова винта» – устройства для подъема воды на поля, который явился прообразом современных корабельных и воздушных винтов. В математике есть Архимедова спираль, им сформулирован закон рычага и противовеса, благодаря чему, по легенде, он на спор в одиночку вытянул груженое судно с воды на берег. Архимед «из интереса» построил «небесную сферу»: сложное механическое устройство, с помощью которого наблюдалось движение небесных светил: «На небосводе имелись Солнце, Луна и другие

Анатолий Ильяхов ИГРУШКА ДЛЯ АРХИМЕДА

планеты, закрепленные таким образом, что движением рычага они вращались с различной скоростью и в различных положениях... Существует легенда о том, что он изобличил нечистоплотного ювелира в подделке царского венца. С этим заданием и была связана легендарная история с погружением Архимеда в ванну, неожиданным его прозрением, догадкой, и бегством нагишом по улицам Сиракуз с радостными выкриками «Эврика!»...

И все же верхом инженерной мысли Архимеда – малоизвестный факт – называют его участие в возведении необычного корабля для сиракузского тирана Гиерона, любившего морские прогулки. Придворному механику Архимеду было поручено построить особый корабль, на котором можно было проводить достаточно долгое время, «забыв, что человек в это время находится не на суше». Великий математик не имел никакого представления о кораблестроении, но не отказался от задания и с удовольствием взялся за работу, поскольку она предвещала множество невероятно интересных головоломок, с точки зрения механики.

Проект Архимеда оказался действительно грандиозным, ибо возводился самый современный по тем временам корабль, вобравший все новинки науки и техники.

Если обычные корабли имели две или три палубы, этот имел двенадцать, а длина его составляла почти сто сорок метров! На пассажирских палубах размещались площадки для гимнастических тренировок и состязаний в беге, баня с мраморными ваннами, парными помещениями и массажными, и... большой плавательный бассейн, сложенный из цельных деревянных брусьев ливанского кедра! Швы между брусьями Архимед велел заделывать египетским асфальтом, чтобы не протекал. На верхней палубе разместился огромный сад с живыми деревьями в кадках с землей, цветочными клумбами, были разбиты прогулочные аллеи, устроены беседки для отдыха и искусственные гроты с журчащими родниками.

Команда корабля насчитывала шестьсот человек: гребцы, матросы, воины охраны; к ним добавлялись триста человек obsługi, не считая пассажиров, которых ожидали шестьдесят просторных кают «с удобствами»: в них мозаичные полы и двери, отделанные слоновой костью; повсюду изящные мраморные статуи, картины, ценная посуда и оружие.

Архимед продумал защиту корабля от пиратов или вражеских кораблей, которые могли встретиться в море и попытаться за-

хватить корабль со знатными пассажирами. И без того высокие борта корабля прикрывались металлическими щитами, словно рыба – чешуей. Над верхней палубой возвышались восемь башен, от которых отходили большие балки с отверстием на конце, откуда на вражескую палубу обрушивались камни. Архимед установил катапульту, с помощью которой удавалось метать огромные камни и стрелы.

Когда Архимед закончил корабль и опробовал на воде (корабль весил тысячу тонн и нес «полезную нагрузку» до четырех тысяч тонн!), он был горд своей очередной «игрушкой». А Гиерон был несказанно счастлив, что теперь у него есть чудокорабль, какого ни у одного властителя в округе не было! Корабль действительно получился замечательный, но чтобы он не простаивал зря между увеселительными прогулками, тиран решил использовать его помимо личных целей также для пассажирских сообщений между Сицилией – Сиракузами и Египтом – Александрией.

Неожиданно вскоре обнаружилось, что на Сицилии нет подходящего места для ремонта и обслуживания такого корабля-монстра. И его содержание даже для богатого сиракузского тирана оказалось «не по бюджету». Тогда Гиерон надумал подарить свой корабль египетскому народу: он приказал загрузить корабль доверху зерном и рыбой, поскольку Египет испытывал в тот момент продовольственный недостаток, и так отправил его. После этого события следы корабля Архимеда теряются...

ПОЭЗИЯ

Алексей Горбунов

г. Сочи

* * *

Жизнь оборвалась, словно стих,
Беду не отвратили боги.
И оглушенный лес затих,
Когда он соснам падал в ноги.

Его унес презренный тать.
Обросший ржавою щетиной.
Такому не дано понять
Величье песни глухариной...

Но верю, что отступит бес.
Что вновь воскреснет песня птичья,
Что не загложнет русский лес,
Не захиреют токовища...

Жизнь, торжествуй, ликуй и длись,
Смелей пари над черной бездной!
Я тоже ведь из певчих птиц,
Вот и дрожу над каждой песней.

* * *

Леса, овражные узоры –
Родной Мордовии пейзаж.
Любимый край, мои просторы.
Я до кровиночки весь ваш.

Здесь я взлетел, как в воздух птица.
Отсюда начался мой путь.
И, чтоб истокам поклониться,
Пришел на Софьино взглянуть.

Пришел, измаявшись в разлуке,
Любуюсь, чувства не таю.

И в каждом блике, в каждом звуке
Я вижу молодость мою.

Вот речка, словно пуповинка,
Вот постаревшая ветла.
Приемлю каждую тропинку,
Морщину на челе села.

Я полем, мучаясь от боли.
Пройду в заросший школьный сад.
Как горько, что друзья по школе
Давно на кладбище лежат...

Я, как чумной, бреду по лужам.
Мне дорог и полынный куст.
Душа поет, болит и тужит
От подступивших к горлу чувств.

И, как изгой, пред образами,
Там, где взошла моя звезда,
Я буду землю грызть зубами,
Что век не приходил сюда.

* * *

Змеей дорога в сопках вьется,
Витают легкий свет вокруг,
То пропадет, то улыбнется
Сквозь снег луны туманный круг.

Застыли скалы от мороза.
Чей нрав здесь, как известно, крут.
Как привидение, береза
Мелькнет в тайге то там, то тут.

Зловещее молчанье ночи.
Таинственный и зыбкий свет.
И если вскрикнешь, что есть мочи.
Лишь эхо даст тебе ответ.

В горах

В горах забытая дорога –
Наносы, бревна, валуны.
И осыпь дремлет недотрогой
У развалившейся стены.

Хозяин брошенной заимки
Давно покинул свой приют,
Лишь эхо с ветром – невидимки –
Здесь, словно призраки, живут.

Да зверь лесной порою рыщет
В руинах, будто следопыт,
Да заплетают корневища
Могильник, сложенный из плит.

Орел кружится над лачугой...
Висячий мост распят, как раб.
Притихла горестно округа,
Вся в отпечатках волчьих лап.

* * *

Неудержимо, напролом,
Круша все рифы и преграды,
Я раньше жил, как буйный шторм,
Неукротимую громадой.

Но, оробев перед тобой,
В плену сердечного смятенья
Я стал нежнейшею волной
Любви, мольбы и восхищенья.

* * *

Осень снова берется за дело.
Стали долгими сказки ночей.
Уж на землю листва полетела,
Пожелтевшая летопись дней.

Дни садятся печальною стаей
На луга, на траву, на родник.
И придирчивый ветер листает
Прожитого печальный дневник.

* * *

Молний залп с быстротечностью мысли
Разорвал поднебесную высь.
Дымом выстрелов тучи повисли,
Гром гремел, как снаряды рвались.

На земле же по лужам и тропам,
По волнам сквозь оббитую рожь
Уходил от разрывов галопом
Быстрой конницей хлещущий дождь.

Да на взгорье, у дома под боком,
Залпом молний сражен наповал,
Как гигант после схватки жестокой.
Искореженный дуб догорал.

* * *

В лохмотьях пены, словно черти,
Нагромождавая вал на вал,
Вздымались волны в пляске смерти,
Вскипая бешенством у скал.

А ветер – демон зла и горя,
Как хан клокочущей орды,
Их посылал из бездны моря
На приступ каменной гряды.

И по его безумной воле
Ревела, корчилась вода
То с воплем ярости, то боли,
И я подумал поневоле:
«О как прекрасна та орда!»

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»

ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 2947

Подписано в печать

в 10.00, 23.05.2012 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Цена свободная